
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 338.24.021.8:94(477)

В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой политической экономии
Национальной металлургической академии Украины
(Днепр)

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ: АКТУАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ И ИМПЕРАТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ *

Рассмотрены актуальные аспекты этнонационального, цивилизационного и глобального контекстов, а также социально-экономических условий назревших национально ориентированных реформ в Украине. Сделан акцент на их жизненно важных императивах, недооценка которых чревата необратимой периферизацией национальной экономики и общества.

Ключевые слова: этнос, суперэтнос, нация, цивилизация, мир-система, глобализм, экономические интересы, собственно институты, протоинституты, развитый центр, полупериферия, периферия, государственный капитализм, национальные согласие и консолидация, стратегия развития.

V. N. TARASEVICH,
Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Department of Political Economy,
National Metallurgical Academy of Ukraine
(Dnepr)

A QUARTER OF A CENTURY OF UKRAINE'S INDEPENDENCE: ACTUAL CONTEXTS AND IMPERATIVES OF SOCIO-ECONOMIC REFORMS

It is considered the actual aspects of the ethnonational, civilized and global contexts and social-economic conditions of the gathered national orientated reforms in Ukraine. It's vital urgent requests, the underestimate of what can made the national economy and society the periphery are accentuated.

Keywords: ethnos, super-ethnos, nation, civilization, world-system, globalism, economic interests, own-institutes, proto-institutes, developed centre, half-periphery periphery, state capitalism, national harmony and consolidation, strategy of the development.

Вступительные замечания

Фундаментальные статьи ведущих ученых-экономистов, академиков НАН Украины А.И. Амоши [1], Б.В. Буркинского [2], В.П. Вишневого [3], В.М. Гейца [4; 5], Б.М. Данилишина [6], Э.М. Либановой [7], членов-корреспондентов

© Тарасевич Виктор Николаевич (Tarasevich Viktor Nikolaevich), 2017; e-mail: viktarsevich@gmail.com.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начатой в журнале “Экономика Украины” № 8 за 2016 г., в авторской редакции.

НАН Украины В.Д. Базилевича [8], М.И. Зверякова [9] в главном экономическом журнале страны задали высокую научную планку приуроченной к юбилею Независимости Украины дискуссии об итогах и перспективах социально-экономического развития украинского общества и государства. Исследуемая авторами и предложенная для обсуждения сложная проблематика весьма актуальна и с самого начала выходит за сугубо экономические рамки в широкое духовное, социальное и политическое пространство, что в полной мере отвечает стандартам современной постнеклассической науки, активно формирующейся глобалистско-эволюционистской общенаучной картины мира и интеграционной картины экономической реальности. Следовательно, вполне логично и целесообразно поддержание заявленного теоретико-методологического уровня и гносеологического масштаба обсуждения, разумеется, с акцентом на его относительно менее разработанных тематических аспектах.

Сейчас уже очевидно, что обретение Украиной формальных атрибутов суверенитета и независимости оказалось делом несравненно менее сложным, чем их наполнение реальным содержанием. Даже огромные потери в “лихие” 1990-е годы сегодня не кажутся столь болезненными, как утрата, хотя и временная, территориальной целостности, глубокий системный кризис экономики, общества и государства. *Не умаляя безусловной значимости важных достижений эпохи независимости*, следует признать, что резкое ухудшение всех показателей национального богатства, явное “сжатие” национальной экономики в сравнении с масштабами 1991 г., признаки утраты государством международной субъектности являются отнюдь не случайными. Беспрецедентными демографическими потерями живой организм нации сигнализирует об опасных болезнях, без правильного диагностирования и лечения которых он может оказаться на грани выживания. За четверть века общество было свидетелем и, скорее, объектом, чем субъектом, многих экономических реформ, которые, в конечном итоге, оказались не столько оздоравливающими, сколько болезнетворными. Почему? Может быть, избранный уже в первые годы независимости европейский вектор экономического развития был ошибочным? Может быть, напротив, проевропейские усилия были недостаточно решительными и последовательными? Не слишком ли велики жертвы, принесенные Украиной на алтарь европейского выбора? Очевидно, что эти и ряд других острых вопросов не имеют сугубо экономических ответов.

В конце 2016 г. Украина получила неприятные новости из Брюсселя, которые остались таковыми даже после введения долгожданного безвизового режима. Под влиянием Нидерландов главы государств и правительств 28 государств – членов ЕС приняли *общее видение*, в соответствии с которым Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС: 1) не предоставляет статуса кандидата на вступление в Евросоюз и не создает обязательств присвоения такого статуса Украине в будущем; 2) не содержит обязательств относительно обеспечения Украине со стороны ЕС или государств-членов гарантий коллективной безопасности либо другой военной помощи или поддержки; 3) не предоставляет украинским гражданам или гражданам Евросоюза соответственно права проживать и работать на территории соответственно государств – членов ЕС или Украины; 4) не требует дополнительной финансовой поддержки со стороны государств-членов для Украины *. На фоне Brexit, миграционного кризиса, опасных процессов дехристианизации и исламизации в ЕС, а также перманентного

---

* Опубликован текст решения ЕС по Соглашению об ассоциации с Украиной [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/opublikovan-tekst-resheniya-es-po-soglasheniyu-ob-associacii-s-ukrainoy-779914.html>.

глубокого кризиса в Украине это решение может быть понятным для европейцев. Но что оно означает для Украины? Что означают для Украины победа Д. Трампа и его первые решения на посту Президента США, ситуация на Ближнем Востоке и в Сирии, рост геополитического влияния России, включение китайского юаня в корзину ключевых валют МВФ, расширение ЕврАзЭС и ШОС?

Эти и ряд других взаимосвязанных событий свидетельствуют о *тектонических сдвигах глобального масштаба*. Окружающий Украину мир становится другим. Моноцентричная неолиберальная глобализация и экспансионистская европейская и евроатлантическая интеграция как определяющие *внешние* условия четвертьвековой эволюции независимой Украины теряют безусловное мировое доминирование, равно как и США – позиции геополитического и геоэкономического гегемона. На мировой “шахматной доске” возрастает роль иных фигур и новых правил. Не менее значимые изменения происходят в *украинском обществе*. Большинство украинцев уже несколько иначе, чем 3–4 года назад, оценивают проблемы войны и мира, экономики и политики, рынка и государства, соотношения демократии и благополучия. Очевидно, что украинское общество в очередной раз сталкивается с проблемой *самоидентификации*, самоидентификации в новых условиях места и времени, разумеется, в широкой исторической ретроспективе. Сама по себе эта проблема не нова и для большинства народов мира достаточно тривиальна. Их опыт свидетельствует, что ее решение не лежит в сугубо экономической или политической плоскости. По своему существу она универсальна и интеграционна, и в этом смысле по отношению к экономике – контекстуальна.

С учетом вышеизложенного **целью статьи** является осмысление некоторых аспектов этой контекстуальной проблемы, в частности – актуальных этнонациональных, цивилизационных и глобальных процессов, а также непосредственно связанных с ними социально-экономических условий и императивов назревших национально ориентированных реформ в Украине, дальнейшая недооценка которых в практической социально-экономической политике чревата необратимой периферизацией национальной экономики и общества. По примеру пионеров дискуссии мы обратимся, прежде всего, к тем значимым теориям, фундаментальный характер и прогностические возможности которых прошли проверку временем. Поскольку же любая теория имеет вполне определенный интервал истинности, за пределами которого нуждается в адекватной модернизации, постольку положения настоящей статьи, опирающиеся на упомянутые теории, носят постановочный и дискуссионный характер.

Этнонациональный контекст

В политикуме нашего северного соседа утвердилось мнение о русских и украинцах как *едином* народе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Трудно сказать, на какую научную теорию оно опирается, а из учебников истории политикам должно быть известно, что белорусы, русские и украинцы – *разные* народы, хотя и выросли из одного восточнославянского корня. Впрочем, в современной науке (исторической, географической, этнографической, политической, экономической и др.) термин “народ” употребляется достаточно редко и осторожно – уж очень он абстрактен, полисемантичен, универсален, в силу чего не способен отразить *сущностную специфику* различных человеческих общностей.

Не очень-то жаловал этот термин и Л.Н. Гумилев – автор фундаментальной и оригинальной *теории этногенеза* (пассионарности), которая основана на гениальных идеях нашего великого соотечественника В.И. Вернадского (например, о биохимической энергии живого вещества, ее динамике и связях с космическим излу-

чением [10, с. 9–14]) и успешно апробирована на материалах реальной эволюции не менее 40 этносов на историческом отрезке почти в 4 тыс. лет [11; 12; 13; 14]. Сразу отметим: поскольку *этнос*, по Л.Н. Гумилеву, это, прежде всего, биофизическая общность, хотя и всегда облаченная в ту или иную общественную оболочку [11, с. 55], постольку в теории этногенеза акцентирована такая детерминация природными процессами общественных, когда в человеческой жизнедеятельности доминируют не собственно деятельностные, а поведенческие акты, в человеческой психике — невербально-генетическое и чувственно-сознательное начала *, а в общественных институтах — соответствующие пред- и протоинституциональные составляющие. В теории не представлены базовые *механизмы* воздействия этнических атрибутов на политику и экономику, духовность и социальность, хотя таковое, несомненно, присутствует, на что автор теории не устает обращать внимание.

Если, в соответствии с разработками Л.Н. Гумилева, считать XIII в. датой *рождения украинского этноса* **, то, с учетом изменения пассионарного напряжения этнической системы в зависимости от ее возраста (см. рис.) [11, с. 81], в текущем столетии он отмечает свой 800-летний юбилей, находясь на излете фазы надлома и в преддверие сложнейшего перехода к инерционной фазе. После выдающихся побед пассионарного подъема и акматической фазы — образования Украинского Казачьего Государства и объединения многих украинских земель — в фазе надлома происходит резкое снижение уровня пассионарности, что, как свидетельствует история ряда этносов, в том числе западноевропейских, чревато расколом этнической системы, а в условиях агрессивного внешнего этнического окружения — ее преждевременной гибелью (примерно на 700 лет ранее отведенного природой срока). Оказавшаяся в подобном положении восточнославянская Киевская Русь *** была спасена принятием православия, которое катализировало процессы этнической регенерации и таким образом обеспечило выживание восточнославянского суперэтноса **** в условиях противодействия многочисленным внешним агрессорам и его спасительный переход в инерционную фазу.

Как известно, история нередко в чем-то повторяется. *С одной стороны*, в собственно этническом отношении в обозримой исторической перспективе внешние угрозы самому существованию *современного* украинского этноса весьма маловероятны, поскольку пассионарное напряжение соседних суперэтносов явно недостаточно для ассимиляционной экспансии: западноевропейский суперэтнос примерно на 500 лет старше и вступил в фазу обскурации, а российский и мусульманский суперэтносы — сверстники украинского этноса [11, с. 350–351], а потому не обладают потребной избыточной пассионарной энергией.

С другой стороны, нельзя недооценивать вызовы и опасности этнического надлома и упомянутого фазового перехода. *Во-первых*, в составе украинского этноса, как и любого другого в этом возрасте, многочисленные и множасьщиеся *субпассио-*

---

* Как известно, указанные начала преимущественно иррациональны, в силу чего в этническом поведении превалирует метаинстинктивная и преддеятельностная активность (о соотношении метаповедения, преддеятельности, поведения и собственно деятельности см. подробнее в [15, с. 135–139, 146–149]). "В этносе, в отличие от общества, работают не сознательные решения, а ощущения и условные рефлексы" [13, с. 178].

** В зоне пассионарного толчка XIII в. оказались долина Припяти и Приднепровье: отсюда началась миграция смешанного славянского населения, которое впоследствии составило этнос, называемый украинским [12, с. 148]. В основу современного украинского типа лег краинологический тип древлян, а не полян и северян [16, с. 299–300].

*** По Л. Гумилеву, родившийся в I в. н. э. славянский этнос в X в. находился в инерционной фазе, а в XIII в. — в фазе обскурации.

**** Суперэтнос представляет группу этносов, возникших в результате пассионарного толчка в одном регионе и связанных общностью исторической судьбы.

нариш вытесняют пассионарных и гармоничных личностей * практически со всех “командных высот” и таким образом обеспечивают доминирование адекватных себе и альтернативных пассионариям стереотипов (паттернов) поведения, которые удачно маркируются концептами-императивами: “Мы устали от великих” и “Только не так, как было” [11, с. 349]. Речь идет, в частности, о таких качествах, как утеря чувства общности и историзма, эгоизм, гипертрофированное потребительство, паразитизм, рвачество, творческая пассивность и лень. Подобная субпассионарная среда оказывается весьма питательной для таких, собственно, *экономических* феноменов, как присвоение административной и политической ренты, неблагоприятные условия для мелкого и среднего бизнеса, “прихватизация” объектов, созданных трудом миллионов предшественников, и рождение олигархии, рейдерство, рэкет, “крышевание” и “отжим” бизнеса, “откаты”, коррупция и т. п. **. Разумеется, пассионарные и гармоничные личности чувствуют себя в подобной среде неуютно и в полном соответствии с “эффектом Тибу” [17] стремятся покинуть ее, зачастую предпочитая экономическую эмиграцию приспособлению к девиантным, с их точки зрения, стереотипам экономического поведения. Некоторые пассионарии пополняют ряды радикальных движений и организаций. Таким незамысловатым образом национальная экономика теряет критически важные источники инновационного саморазвития и попадает в “ловушку” регрессивной стагнации.

Во-вторых, текущее положение украинского этноса усложняет его известная *амбивалентность*. Как и первые славяне в начале новой эры, украинцы после своего этнического рождения расселились в существенно различающихся природно-климатических частях Европы, разделенных воздушной границей, соответствующей изотерме января. К востоку от этой границы средняя температура — отрицательная, зима — холодная, морозная, часто сухая, преобладают степные и лесостепные ландшафты, а западнее — зимы преимущественно влажные и теплые, со слякотью и туманом, доминируют лесные и лесостепные ландшафты [12, с. 34–35]. Характерные для этих природно-климатических условий природные стандарты вполне определенным образом отразились на стереотипах поведения, в том числе хозяйственного, местного украинского населения. Очевидно, например, что для успешного ведения хозяйства в лесной и степной зонах нужны во многом разные знания, умения, навыки, технологические паттерны, экономические протоинституты.

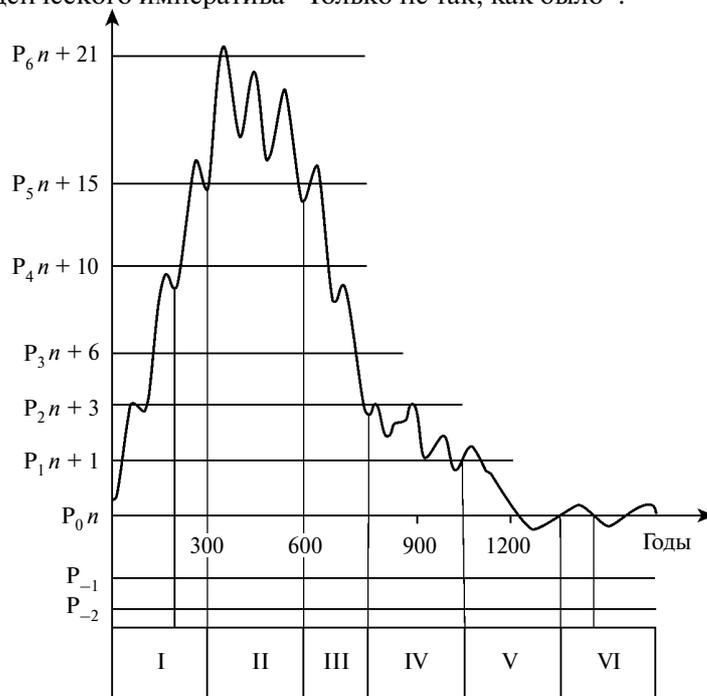
Детерминированному указанными природными стандартами формированию и институционализации *западноукраинского и восточноукраинского субэтносов* *** украинского этноса способствовало и измеряемое несколькими столетиями их пребывание в составе, соответственно, западноевропейского и российского *суперэтносов*. Понятно, что под влиянием этих суперэтносов и их титульных этносов стереотипы поведения западных и восточных украинцев определенным образом изменились. В меньшей мере такие изменения коснулись восточных украинцев, поскольку украинцы, белорусы и русские являются этническими сверстниками. За

* У пассионариев величина импульса пассионарного напряжения превышает величину импульса инстинкта, у гармоничных личностей указанные величины равны, а у субпассионариев — первая меньше последней [11, с. 71–75].

** Как это ни покажется парадоксальным, но именно в фигуре *homo oeconomicus* субпассионарии находят весьма близкие себе и оправдывающие свои действия черты, например, вполне “благородное” стремление максимизировать собственные выгоды, минимизируя при этом собственные издержки, прежде всего, за чужой счет.

*** Субэтнос — это устойчивая внутриэтническая общность, так называемая таксономическая единица, не нарушающая единство этноса [11, с. 38]. Разумеется, строение и структура украинского этноса являются намного более сложными, однако эта проблематика выходит за рамки данной статьи.

сравнительно непродолжительный полувековой период пребывания объединенного украинского этноса в составе советского (российского) суперэтноса упомянутая амбивалентность не была преодолена (иное противоречило бы законам этногенеза), хотя и обрела более скрытые и внешне более мягкие формы. Принципиально важно, что она не послужила препятствием для усиления украинского *общенационального* поведенческого императива "Только не так, как было".

Изменение пассионарного напряжения этнической системы

Примечание. Фазы этногенеза: I — подъем, II — акматическая, III — надлом, IV — инерционная, V — обскурация, VI — мемориальная. По оси абсцисс указано время в годах, где исходная точка кривой соответствует моменту пассионарного толчка, по оси ординат — пассионарное напряжение этнической системы на трех шкалах: 1) в качественных характеристиках от уровня P_{-2} (неспособность удовлетворить вождение) до уровня P_6 (жертвенность); 2) на шкале — количество субэтносов (подсистем этноса); 3) на шкале — частота событий в этнической истории (непрерывная кривая). Индексы $n, n + 1, n + 3$ и т. д., где n — число субэтносов в этносе, не затронутом толчком и находящемся в гомеостазе [11, с. 81].

На наших глазах украинский этнос стремится покинуть "объятия" российского суперэтноса, дрейфуя в направлении западноевропейского суперэтноса. С учетом присущего этническим взаимодействиям четкого разграничения "своих" и "чужих" [12, с. 26], а также упомянутых возрастных различий, вероятное включение украинского этноса в западноевропейский суперэтнос не сулит "манны небесной". Разумеется, нельзя недооценивать *положительное влияние* стереотипов поведения, в том числе экономического, выработанных западноевропейскими гармоничными, трудолюбивыми личностями в период инерционной фазы, и столь привлекательных для украинцев в виде *европейских ценностей*. Кстати, стремление к овладению последними вызвано не только естественным желанием благополучия и более высокого качества жизни, но и проявлениями психологии *подражания*, присущей более молодому этносу, а также известным демонстрационным эффектом и поведенческим императивом "Будь таким, как я" [11, с. 349] инерционной фазы этногенеза — этнической "золотой осени", которую западноевропейский суперэтнос не так давно покинул и вступление в которую жизненно необходимо для украинского этноса.

Однако вполне очевидны и серьезные этнические *вызовы* упомянутого включения. *Во-первых*, в этом случае достижение украинским этносом фазы *гармоничной* инерции весьма проблематично, поскольку украинские пассионарии будут еще активнее мигрировать в зоны пониженного пассионарного напряжения, тем самым лишая этнос энергии, необходимой для фазового перехода. *Во-вторых*, украинцы рискуют непосредственно, вплотную, столкнуться с характерным для современной западноевропейской этнической *обскурации* жестким императивом “Будь таким, как мы” (и не стремись к чему-либо иному, кроме еды и питья) [11, с. 310–311, 349] и соответствующими поведенческими стереотипами, которые в повседневной жизни предстают в виде рецидивов декультуризации, дехристианизации, деконструкции, однополых браков и родителей, экспансии сексуальных меньшинств, педофилии и т. п. Ясно, что такое столкновение чревато токсичной эрозией и мутацией тех поведенческих стереотипов, которые критически важны для перехода в инерционную фазу этногенеза.

В-третьих, надежды на доминирование более молодого и активного украинского этноса в составе западноевропейского суперэтноса вряд ли реалистичны, ибо, с одной стороны, его пассионарная энергетика явно недостаточна для “подпитки” многочисленных западноевропейских субпассионариев, а с другой – вряд ли в этом отношении украинский этнос конкурентоспособен с ближневосточными этносами, многочисленные представители которых активно эмигрируют в Западную Европу. *В-четвертых*, поскольку уровень комплиментарности (неосознанной этнической симпатии) западноукраинского субэтноса и западноевропейского суперэтноса существенно превышает таковой между последним и восточноукраинским субэтносом *, а уровень комплиментарности между восточноукраинским субэтносом и российским суперэтносом значительно выше такового между последним и западноукраинским субэтносом, постольку вполне вероятны углубление *внутреннего этнического разрыва*, рост этнической дистанции между двумя субэтносами единого этноса, что существенно усложнит укрепление украинской нации.

Если не будут предприняты адекватные предупредительные компенсирующие меры, то обозначенные феномены этнической маргинализации могут стать реальностью и катализировать *маргинализацию экономическую*, в том числе дальнейшую деградацию деятельностно-видовой и отраслевой структуры национальной экономики, интеллектуально-образовательной и профессионально-квалификационной структуры национального человеческого капитала, а также экономическую тенезацию и фрагментацию внутреннего рынка. Адекватные этническому возрасту и особым паттернам хозяйствования субэтносов экономические конкурентные преимущества могут остаться в латентном и неактуализированном состоянии.

Это верно и в отношении *этнических групп*, проживающих в Украине. Каждая из них, будь-то русские, белорусы, молдаване, крымские татары, болгары, венгры, румыны, поляки, евреи **, является носителем *уникальных* поведенческих паттернов хозяйствования, полнота реализации и положительное влияние которых на развитие национальной экономики во многом определяются содержанием и характером *межэтнических* взаимодействий и *национального* строительства.

* Западноевропейский суперэтнос является в значительной степени чужим для восточноукраинского субэтноса, а “вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты и замену ее на господствующую систему ценностей нового суперэтноса...” [13, с. 182–183]. Судя по событиям на Донбассе, этническая проблема “свой – чужой” является весьма острой и злободневной.

** Приведенный перечень включает только наиболее многочисленные этнические группы (по данным переписи населения 2001 г.).

Будем исходить из того, что *нация*, в отличие от этноса, является общностью универсального, цивилизационного типа, в которой особым образом взаимодействуют не только этноприродные, но и экономические, социальные, духовные и политические компоненты. В дальнейшем мы обратимся к рассмотрению четырех последних. Здесь же акцентируем некоторые собственно этнические аспекты. Истории не известны случаи успешного и бескровного завершения формирования *моноэтнической* нации. Успешные нации полиэтничны и сложны, а их становление демонстрирует весьма значимые для Украины уроки. Поскольку этническая энергия иррациональна по определению, постольку взаимодействия некомплементарных этнических общностей (этносов, субэтносов, этнических групп, консорциев, конвиксий и др.) чреваты острым противостоянием и кровопролитием, если должным *рациональным* образом не сублимируются и не регулируются сильным национальным государством, возглавляемым пассионарными и гармоничными личностями. Каждая этническая общность должна получить достаточный простор для реализации имманентных ей стереотипов поведения, в том числе хозяйственного, и такие условия самореализации, которые бы, с одной стороны, не уступали таковым для ее "сородичей" в других странах, а с другой — не дискриминировали иные этнические общности *.

Но возможно ли сие при доминировании субпассионариев? Весьма сомнительно. Как же быть? Конечно, можно надеяться на то, что в критической ситуации под влиянием инстинкта самосохранения они уступят "командные высоты" пассионариям. Возможны упования на новый пассионарный толчок или пассионарные "инъекции" от соседних этносов и/или суперэтносов. Но в исторической "копилке" украинского этноса преобладает иной образ действий. Украинские пассионарии продолжают рождаться и активно действовать, и перед лицом угроз существованию этноса мощный потенциал их самоорганизации актуализируется и посредством этнической регенерации конвертируется не в заданное извне, а *вовнутрь ориентированное* созидательное этнонациональное сотворчество и строительство. В конечном итоге должны победить люди, которые, по словам Л.Н. Гумилева, "опять поставят во главу угла не свой личный эгоистический интерес, не свою шкуру, а свою страну, как они ощущают ее, свой этнос, свою традицию" [11, с. 338].

Цивилизационное измерение

Как известно, украинский политикум и значительная часть граждан демонстрируют приверженность европейскому выбору. Ясно, что речь идет не о его географическом смысле, поскольку географически Украина безальтернативно расположена в центре Европы как части света, а о вхождении страны в состав *Европейской цивилизации*. Но что означает концепт "Европейская цивилизация"? Он хорошо известен, но недостаточно познан. Почему, к примеру, сугубо географический критерий избран для типологизации и наименования цивилизаций — сверхсложных универсумно-синергетических человеческих общностей планетарного масштаба?

С позиций обыденного сознания — ничего необычного, поскольку любое название достаточно условно. Говорят же, например, о восточных цивилизациях? Говорят. Но не принято говорить об африканской, австралийской цивилизации или о цивилизации Антарктиды. Как видим, даже на уровне обыденного сознания ука-

---

* Л.Н. Гумилев писал, что государственная и партийная власть в СССР "вполне сознательно игнорировала сам факт существования в стране разных этносов со своими традициями и стереотипами поведения и тем самым провоцировала эти народы к отделению". "...Единственно верный девиз устойчивого сосуществования народов в полиэтническом государстве — "В мире, но порознь". Вражда и кровопролитие начинаются как раз тогда, когда людям внушают, что они одинаковы" [13, с. 186–187, 169].

занный критерий не является бесспорным. Сомнения в его корректности могут усилиться, если принять во внимание обозначаемое им темпоральное пространство. Имеется в виду отнюдь не весь Европейский континент от Атлантики до Урала, а лишь его западная часть – Западная Европа *, и исторический период не с момента появления здесь первых гоминид, а со времен крестовых походов, когда окружающий Западную Европу мир был объявлен варварским.

Сомнения обыденного сознания во многом неизбежно рассеиваются, если мы переходим от него к научному мышлению, к науке о цивилизациях и обращаемся к тем фундаментальным разработкам известных отечественных ученых – Ю.Н. Пахомова и Ю.В. Павленко [18, 19], – которые не уступают признанным научным достижениям Н. Данилевского, А. Тойнби, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, О. Шпенглера и других исследователей с мировым именем. Географический критерий типологизации цивилизаций если и используется в *современной* науке, то только в качестве вспомогательного. Главными же критериями выступают *религия и духовность* как творение *человеческого* гения, а не слепых сил природы, наиболее устойчивые, инвариантные и долговременные атрибуты большой человеческой общности, продолжительность жизни которых не сравнима с таковой у этнических общностей, стран и государств. С этих позиций концепт “Европейская цивилизация” является отражением известного с Нового времени экспансионистского *европоцентризма*, который постепенно теряет историческое доминирование. Концепт обладает явными признаками превращенной формы, скрывающей от непосвященных некоторые важные аспекты истинного содержания, что позволяет использовать его в разных, в том числе эгоистичных, целях. О чем идет речь?

Одним из ключевых императивов европоцентризма и его прямого наследника – *американоцентризма* – является мессианство, которое предполагает активный и зачастую агрессивный экспорт, продвижение западноевропейских ценностей, стандартов и норм, в том числе политико-правовых и экономических, как в наивысшей степени цивилизованных, а потому единственно правильных и подлежащих безоговорочной и контролируемой имплементации. Нередко такое продвижение преследует, прежде всего, национальные интересы отдельных западноевропейских стран, а также политико-экономические интересы вполне определенных ТНК и бизнес-групп. Не секрет, что адекватные вышеизложенному положения являются отнюдь не второстепенными в Соглашении об ассоциации между Украиной и ЕС. На первый взгляд, логика заключения и имплементации Соглашения бесспорна: если Украина стремится войти в лоно Европейской цивилизации, она должна принять европейские ценности и действовать в строгом соответствии с ними. Как говорится: “В чужой монастырь со своим уставом не ходят”. Отнюдь не радужные экономические результаты первых шагов имплементации Соглашения (значительное снижение объемов украинского экспорта в ЕС, непрекращающаяся периферизация структуры национальной экономики и др.) обычно объясняют в том числе и неадаптированностью отечественных производителей к европейским стандартам и условиям европейского рынка. Разумеется, нетрудно найти *экономические* контраргументы. Например, почему же необходимые для такой адаптации условия и финансовые ресурсы не были предусмотрены ранее, и почему сейчас правительство не оказывает отечественным производителям необходимой поддержки? Однако, видимо, проблема глубже и масштабнее.

* Кстати, строго географически те страны, которые принято относить к Центральной и Восточной Европе (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия и др.), расположены в западной части Европейского континента, а на просторах Восточной Европы расположена западная часть России.

Спору нет, многие европейские ценности и стандарты весьма полезны и достойны имплементации. Но *какие именно?* И как быть с *украинскими* ценностями и стандартами, которыми в повседневной жизни и экономической деятельности руководствуются миллионы граждан Украины? Почему в законодательстве они нередко “выносятся за скобки”? Почему выполнение законов, принимаемых на основе европейских стандартов, буксует, а украинских граждан относят к разряду незаконно-послушных? Почему подлинно европейские ценности должны быть *только* западно-европейскими, а не: а) центрально-европейскими; б) восточноевропейскими; в) результатом равноправного взаимодействия западно-, центрально- и восточно-европейских? В поисках ответов на эти и ряд других вопросов мы неизбежно сталкиваемся с *проблемой цивилизационных истоков и оснований* западноевропейских (которые именуются европейскими) и украинских ценностей. Присмотримся к этой проблеме внимательней.

С научной точки зрения, концепт “Европейская цивилизация” является не только неоправданно условным, но и некорректным, поскольку не отражает *реальную полицивилизационность Европы* как части света. Условен и менее некорректен концепт “Западноевропейская цивилизация”, который маркирует лишь определенное географическое пространство и не отражает ее (цивилизации) сущностные качества. В научном отношении принципиально важно, что Западная Европа — это “материнское” месторазвитие западноевропейского суперэтнуса, который включает ряд взаимосвязанных родственных этносов (германский, французский и др.) и является человеческим субстратом *католическо-протестантской цивилизации* — части Христианского мира, которая в результате многовековой активной экспансии утвердилась на обширных “дочерних” пространствах Северной и Южной Америки, Австралии и Африки. Ее исторический путь к современным цивилизационным высотам был долгим и тернистым. Поистине драматическим вызовом единству и самому существованию ее *католической прародительницы* стали Реформация и Контрреформация. Потребовались десятки лет взаимоистребляющих религиозных войн между католиками и протестантами, прежде чем пришло осознание бесперспективности и губительности христианской междоусобицы, недопустимости преследования и уничтожения инаковерующих и инакомыслящих. Перед угрозой самоуничтожения суперэтнуса и цивилизации вопросы вероисповедания и идейных убеждений были выведены из состава тех, которые могут быть решены оружием и силой. В кровавых муках рождалась западноевропейская демократия.

Мирный диалог между католической и протестантской духовными культурами * является важнейшей предпосылкой их взаимного обогащения и сохранения единства католическо-протестантской цивилизации, коэволюции ее многочисленных наций и государств. Однако изначальные различия между культурами, определившие зарождение и развитие континентальной католическо-протестантской и островной протестантско-католической *субцивилизаций*, в современных условиях отнюдь не сгладились, равно как и дистанция между указанными субцивилизациями [21; 22], а также входящими в них этносами и нациями.

В ходе длительной эволюции католическо-протестантской цивилизации формировалась и *система* западноевропейских ценностей и соответствующего ей *законодательства и права*, в том числе гражданского и хозяйственного. Это был сложный процесс формализации неформальных норм, взаимодействия законодательно-пра-

---

* О некоторых особых чертах протестантской и католической духовных культур см. подробнее в [20, № 2, с. 14–20].

вовых *собственно институтов* *, с одной стороны, и духовно-культурных, социальных и экономических *протоинститутов* — с другой. В результате значительный пласт католическо-протестантских религиозных протоинститутов обрел статус государственных и/или гражданских собственно институтов. Достаточно гибкая, хотя и не-безупречная, коэволюция, согласование западноевропейских прото- и собственно институтов — не только исторический факт, но и современная реальность, характерная и для национальных государств, и для Европейского Союза в целом.

Современная политико-правовая, то есть собственно институциональная, система ЕС в основном (хотя и не во всем) соответствует объективной диалектике общих, особых и уникальных протоинститутов и включает, по крайней мере, пять взаимодействующих собственно институциональных блоков, которые с разной степенью адекватности отражают: 1) католические; 2) протестантские; 3) общие католическо-протестантские; 4) уникальные национальные; 5) общечеловеческие системы протоинститутов. По мнению ведущих ученых-правоведов, в соответствии с западноевропейской традицией, современный конституционализм — это протестантизм плюс индивидуализм, плюс частная собственность [23]. Судя по современным событиям, во *внутренней* официальной правоприменительной практике ЕС доминируют общие католическо-протестантские собственно институты и в известной степени ограничиваются национальные собственно институты новых стран-членов. Впрочем, эти и некоторые другие неувязки лишь подчеркивают высокий уровень консолидации и целостности политико-правовой системы ЕС.

Во *внешних* сношениях она презентуется в качестве безусловно цивилизованной, общечеловеческой, а потому императивной для менее цивилизованных стран, прежде всего, тех, с которыми уже заключены соглашения об ассоциации или которые претендуют на это. Внешнюю политико-правовую и тесно связанную с ней экономическую экспансию католическо-протестантской цивилизации нельзя не признать в основном успешной, во всяком случае, для нее самой. Однако в последние годы такая экспансия дает очевидные сбои, прежде всего, в странах Мусульманского мира (например, Афганистан, Ирак, Ливия, Египет, Сирия). Проигрыши подсчитывают как ее субъекты, так и объекты. Попытки взрастить католическо-протестантские собственно институты на иной конфессиональной почве терпят неудачу за неудачей.

Более того, очевидный кризис американского “плавильного котла” и западноевропейского мультикультурализма обнажил острые “домашние” *противоречия* между католическо-протестантской политико-правовой системой и протоинституциональными системами сообществ мигрантов и переселенцев. Даже в “родных стенах” первая не может доказать свою универсальность. Жители китайского квартала или Брайтон-Бич в Нью-Йорке в своей повседневной жизни и хозяйственной деятельности руководствуются отнюдь не только законами США и штата. Подобным обра-

* Исторически собственно институтам предшествуют *протоинституты*, которые представляют собой устойчивый и инерционный результат длительной, измеряемой столетиями трансгенерационной бессознательной, невербально-генетической и чувственно-эмоциональной человеческой активности (жизнедеятельности). Его конкретными формами являются стереотипы, традиции, ценности, обычаи, привычки, неписанные правила, нормы и стандарты, культуры, ритуалы, паттерны, рутины и т. п. Протоинституты лежат в основании *собственно институтов* как продуктов сознательной, прежде всего рациональной, вербально-теоретической человеческой деятельности. Их конкретными формами являются правовые и законодательные акты, решения государственных органов, стандарты, нормы и т. п. В неоинституциональной теории, как правило, протоинституты именуется неформальными нормами, а собственно институты — формальными. Собственно институты могут быть как адекватными, так и неадекватными протоинститутам. Впрочем, их взаимодействия более сложны и многообразны.

зом протоинституты арабов-мусульман в Западной Европе, как правило, не соответствуют официальному законодательству, и потому их хозяйственная деятельность является преимущественно теневой. Они явно не спешат инкорпорироваться в суперэтническое и цивилизационное пространство Западной Европы, а ее политико-правовая система демонстрирует *неэффективность* перед серьезными вызовами этнически и цивилизационно “чужих” протоинститутов, неспособность выработки *консенсусных* собственно институтов, которые могут быть инкорпорированы в указанную систему.

К сожалению, западные европейцы — католики и протестанты — всегда достаточно настороженно относились к православным из Центральной и Восточной Европы, что вполне понятно с учетом известной непростой истории взаимоотношений соответствующих церквей. Принятием христианства Византийского обряда Киевская Русь в глазах западных европейцев стала Востоком [24]. Во время пребывания западноукраинских земель в составе западноевропейских государств православные украинцы были поражены в правах [25, с. 144]. Уже в наши дни Европейский суд по правам человека воспринимает православные ценности как ересь, которую нужно искоренять [23]. Следует признать, что политико-правовая система католическо-протестантской цивилизации вообще и ЕС в частности *не содержит* собственно институциональных блоков, которые бы *адекватно* отражали системы *православных, греко-католических и мусульманских протоинститутов*. Для Украины это обстоятельство имеет принципиальное значение.

История распорядилась так, что материнской для украинского этноса стала молодая *восточнославянская православная цивилизация* — восточная часть Христианского мира. Сейчас уже очевидно, что без украинцев были бы невозможны ее укрепление и восточная экспансия, превратившая ее в цивилизацию *православно-евразийскую*, а в современных условиях представляются весьма ограниченными ее возможности эффективно отвечать на глобальные вызовы. В XIII же веке поражение восточных славян от внешних агрессоров и гибель Киевской Руси воспринимались не иначе как апокалиптически.

Одухотворенные православием три родственных молодых этноса спасли *цивилизацию* от катастрофы, но не от раскола. В результате последующих известных событий возникли и институционализировались Западно-православная и Восточно-православная *субцивилизации* (см. подробнее в [18, с. 428–446]). Для украинского этноса именно первая оставалась родным домом и храмом даже в полные драматизма периоды испытаний. Речь идет об упомянутом ранее инкорпорировании западноукраинского субэтноса западноевропейским суперэтносом, восточноукраинского — российским и соответствующем этому инкорпорированию разделе Западно-православной субцивилизации на *две части* — западную и восточную. Первая испытала все “прелести” ассимилирующей экспансии католическо-протестантской цивилизации. Украинцы Закарпатья и Галиции находились в ее составе 8 и 6 веков соответственно, что не прошло бесследно для их православной идентичности. С одной стороны, удалось сохранить автохтонное православие. С другой стороны, оказавшись перед жесткой дилеммой — спасти самобытность православной церкви, жертвуя этнической идентичностью, или спасти этническую идентичность, реформируя церковь, — значительная часть украинского епископата приняла условия Брестской унии [26, с. 18] *, положив начало *греко-католическому* вероиспове-

---

* Брестская уния положила начало разделению украинского общества на два культурно-цивилизационных региона — западный и центрально-восточный, которые длительное время противостояли друг другу [26, с. 19].

данию. Немаловажную роль в этом выборе сыграла безгосударственность западно-украинского субэтноса и западной части Западно-православной субцивилизации.

Иное было суждено восточной части последней. На экспансию католическо-протестантской цивилизации восточные украинцы ответили восстанием под руководством Б. Хмельницкого, победа которого определила 350-летнее пребывание Левобережной Украины и восточной части Западно-православной субцивилизации в непосредственном соприкосновении с Восточно-православной субцивилизацией в составе Российской империи. Таким образом, долгие годы западные украинские земли были восточной окраиной католическо-протестантской цивилизации, а восточные украинские земли — западной окраиной православно-евразийской цивилизации *. В составе СССР был объединен не только украинский этнос, но и Западно-православная субцивилизация, а также практически вся православно-евразийская цивилизация. Известным образом интенсифицировались процессы социального, духовного и экономического становления украинской нации, однако на неадекватных политико-правовых основаниях. Только в 1991 г. Украина становится независимым *национальным* государством.

Следует еще раз подчеркнуть, что за века безгосударственности, *с одной стороны*, ценой больших усилий удалось в основном сберечь родовое православное единство украинского народа. Греко-католики сохранили православную обрядность, а католичество и протестантизм не стали доминирующими. *С другой стороны*, в культуре и идеологии западных украинцев прочно укрепились некоторые импортированные католическо-протестантские черты, взаимодействие которых с родовыми основаниями собственно украинской ментальности никогда не было беспроблемным. Восточные украинцы восприняли восточнославянско-православную культуру — общероссийскую *не в национальном*, а цивилизационном отношении. В ее формировании приняли активное участие лучшие сыны украинского народа — П. Могила, Ф. Прокопович, Т. Шевченко и другие. Именно благодаря их усилиям произошел принципиальный *цивилизационный* сдвиг, который Н. Трубецкой обозначил как “украинизация великорусской духовной культуры... Эта единая русская культура послепетровского периода была западнорусской — украинской по своему происхождению, но русская государственность была по своему происхождению великорусской, а потому и центр культуры должен был переместиться из Украины в Великороссию. В результате и получилось, что эта культура стала не специфически великорусской, не специфически украинской, а *общерусской*” [18, с. 435–436]. Несмотря на известные властные попытки русификации, взаимодействие родового украинского и восточнославянско-православного начал культуры восточных украинцев отличалось большей толерантностью и органичностью в сравнении с взаимодействием родового, собственно украинского и католическо-протестантского цивилизационного [20, № 3, с. 6–7].

Современные этнометрические исследования [27] подтверждают преобладающую восточнославянско-православную идентичность украинской нации. С Запада на Восток и Юг независимой Украины влияние на родовую украинскую ментальность католическо-протестантского цивилизационного начала относительно снижается, а восточнославянско-православного — растет. Как видно из таблицы 1, из *семи* индикаторов по значениям *четырёх* из них близки Западноукраинский и Причерноморский регионы (индикаторы: “дистанция власти”, “индивидуализм”, “избегание неопределенности”, “маскулинность”), а также Центральноукраин-

* Не исключено, что именно топонимам “край”, “окра́ина”, “укра́ина” Украина обязана своим именем собственным.

ский и Донецко-Приднепровский регионы (индикаторы: “дистанция власти”, “индивидуализм”, “маскулинность”, “долгосрочная ориентация”). По значениям *трех* индикаторов близки Северо-Восточный и Донецко-Приднепровский регионы (“дистанция власти”, “избегание неопределенности”, “терпимость – сдержанность”), а также Центральноукраинский и Западноукраинский регионы (“индивидуализм”, “избегание неопределенности”, “терпимость – сдержанность”)*.

Таблица 1

Значения индикаторов Г. Хофстеда, полученные в Украине по методике VSM 08

Показатели	Регионы					
	Украина в целом	Центральноукраинский	Западноукраинский	Северо-Восточный	Донецко-Приднепровский	Причерноморский
Дистанция власти (PDI).....	22,79	24,10	17,94	28,05	25,16	18,69
Индивидуализм (IDV).....	31,49	27,89	26,65	46,86	28,49	27,56
Маскулинность (MAS).....	-8,67	-3,38	-13,84	-11,99	-8,73	-5,39
Избегание неопределенности (UAI).....	4,81	2,19	-2,90	10,51	8,36	5,88
Долгосрочная ориентация (LTO).....	4,08	7,92	0,72	-1,00	6,23	6,54
Терпимость – сдержанность (IVR).....	36,13	38,27	43,98	31,73	31,88	34,81
Монументализм (MON).....	9,34	11,99	28,75	8,24	-1,62	-0,65

Примечание. О специфике методики VSM 08, условиях и результатах ее использования д.э.н., профессором А.Н. Пилипенко при обработке результатов проведенного под ее руководством опроса населения Украины в 2009–2010 гг. см. подробно в [28, с. 189–207]. В состав *Центральноукраинского* региона включены Житомирская, Киевская, Кировоградская, Черкасская и Черниговская области; в состав *Западноукраинского* – Винницкая, Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ривненская, Тернопольская, Хмельницкая и Черновицкая области; в состав *Северо-Восточного* – Полтавская, Сумская, Харьковская области; в состав *Донецко-Приднепровского* – Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская области; в состав *Причерноморского* – Автономная Республика Крым, Николаевская, Одесская и Херсонская области [28, с. 211–212].

Современная украинская нация сложна и неоднородна. Ей присущи цивилизационный драматизм, поскольку в ее душе и теле продолжается борьба цивилизаций; активная полиэтничность, ибо каждая из крупных этнических групп является проводником соответствующих цивилизационно-национальных влияний; амбивалентность, так как западноукраинский и восточноукраинский субэтнотипы, а также обе части Западно-православной субцивилизации продолжают свой исторический путь. Мировой, западноевропейский и собственный украинский опыт говорит, что такая вполне обычная для многих наций многосложность, *с одной стороны*, открывает огромные возможности национального прогресса на основе “согласия раз-

* Разумеется, на основе полученных по методике VSM 08 значений индикаторов Г. Хофстеда нельзя абсолютизировать степень региональных и специфики, и общности. Нужно учитывать, что зарубежные методики адаптированы, прежде всего, к особому цивилизационно-национальному “материалу”. Это естественно, поскольку методы и методики исследования должны соответствовать его предмету. Использование же данных методик для изучения иного цивилизационно-национального “материала” может негативно влиять на достоверность результатов. Тем не менее, рассмотренные значения индикаторов было бы некорректно не принимать во внимание вообще.

ногласного” (Филолай) и соответствующих синергетических эффектов взаимодействий, а с другой – не исключает высокие риски конфликтности, центробежности и дезинтеграции, которые могут быть катализированы внешними вызовами. Рассмотрим лишь один аспект этой проблемы.

Исторически сложилось так, что *украинская национальная протоинституциональная система* существенно отличается от западноевропейской. Она включает следующие основные протоинституциональные блоки: 1) православный; 2) греко-католический; 3) протестантский; 4) католический; 5) мусульманский; 6) общечеловеческий; 7) общехристианский; 8) этнических общностей, реальное содержание, состав, структура и взаимодействия которых изучены явно недостаточно, не говоря уже об их адекватном выражении в *национальной собственно институциональной системе*. С этих позиций европейский выбор, равно как и имплементация Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС, в понимании политикума означает формирование и имплементацию *национальной собственно институциональной системы* по образу и подобию *западноевропейской*, которая выросла и развивалась на *католическо-протестантской*, а не западно-православной почве.

Даже тем многочисленным приверженцам именно такого европейского выбора, которые искренне желают добра украинской нации, нужно понять, что подобное противопоставление протоинституциональной и собственно институциональной систем, попытка “трансформации” первой посредством насаждения последней соответствуют неорганичному, необольшевицкому по методам дрейфу западно-православной субцивилизации в состав католическо-протестантской цивилизации, который чреват расколом этноса, нации и страны, не только упомянутыми выше собственно этническими негативами, но и экономическими, духовными, социальными, политическими, которые при определенных обстоятельствах могут войти в резонанс и повлечь за собой национальную катастрофу. К сожалению, мы являемся свидетелями весьма неутешительных результатов, прежде всего экономических, углубляющегося *институционального разрыва*. Среди его проявлений – институциональные “ловушки”, барьеры, “белые пятна”, многочисленные *мутантные институты*. Последние являются естественным следствием неадекватной формализации неформальных норм и неизбежной вследствие этого деформализации норм формальных и эрозии норм неформальных. Именно мутантные институты играют роль доминирующего регулятора теневой экономики и легально-нелегальных экономических связей. Как справедливо заметил Б.М. Данилишин, рецепты, которые являются эффективными в государствах с населением принципиально иной трудовой психологии, навряд ли сработают в других странах [6, с. 56].

Императивы выживания и развития нации и государства диктуют иные – не европо-, а *национально ориентированные курс* и образ действий, ключевым содержанием которых является не копирование и компилирование собственно институциональной системы католическо-протестантской цивилизации, не стремление “любой ценой” войти в состав ЕС, а утверждение и укрепление национально-цивилизационной идентичности и *консолидация украинского общества*, их органичное сочетание с прогрессивными гецивилизационными процессами. Европейский выбор Украины состоит не в том, чтобы стать такой же, как некая иная страна, избрав путь подражания, не такой, как кто-то того желает, безоговорочно выполняя чьи-то советы и рекомендации. *Европейский выбор предполагает, в первую очередь, опору на собственные силы, самостоятельное определение собственной миссии и собственного пути*. Нужно пройти свой *особый* путь к процветанию и прогрессу. С этих позиций отказ Украине в предоставлении статуса кандидата на вступле-

ние в ЕС, а также политическое дистанцирование от России важно воспринимать как исторический *шанс* для подлинно европейского выбора.

На мой взгляд, с учетом вышеизложенного, при формировании императивного курса национального согласия, консолидации и развития целесообразно учесть следующие положения. *Во-первых*, самоидентификация украинской нации предполагает всесторонний учет ее геочивилизационного ареала. Таковым является не Западный и не Восточный, а *Срединный тип* эволюции человечества. Его цивилизационная роль уникальна, с его помощью и в нем самом человечество смягчает и преодолевает собственную раздвоенность, находит и реализует адекватные органично-интеграционные формы, синергию взаимодействия западных, восточных и срединных энергий *. В украинской срединности следует акцентировать не ее пограничность, окраинность, промежуточность, лимитрофность и другие подобные черты, зачастую упоминаемые в литературе, а органичность, интеграционизм, синергию синтетичности и согласия разногласного.

Во-вторых, именно с этих позиций целесообразно подойти к проблеме идентификации блоков национальной протоинституциональной системы и формирования на этой основе адекватной ей собственно институциональной системы. Так, принципиально важно определить реальное содержание, состав и структуру православных и православно детерминированных протоинститутов **, присущую им объективную диалектику общего и особенного. Если реально существует демократия, выросшая на католическо-протестантском грунте, то почему бы не изучить феномен православной демократии. Нуждается в идентификации православная экономика, свобода, справедливость и др. Иными словами, важно понять *не только католическо-протестантскую специфику протоинститутов, но и православную, греко-католическую, мусульманскую*. После подобных действий в отношении каждого протоинституционального блока можно приступить к анализу их реальных взаимодействий и соответствующих синергетических эффектов.

Получив таким образом научно осмысленный конкретно-всеобщий (выражаясь методологическим языком) образ *реальной* протоинституциональной системы, нужно приступать к разработке собственно институциональной системы, которая бы, с одной стороны, безусловно соответствовала реальной протоинституциональной системе, а с другой — находилась в активном диалоге с геочивилизационными институтами. Разумеется, разработка и имплементация собственно институциональной системы, ее многоплановое взаимодействие с системой протоинституциональной, постоянный мониторинг и внесение необходимых корректив в обе системы являются делом *чрезвычайной сложности* и потребуют согласованных усилий органов государственной власти, ученых, бизнесменов, представителей организаций гражданского общества. Но простых путей к великим целям не бывает.

Список использованной литературы

1. *Амоша А.И.* Промышленность Донбасса на пути к восстановлению // Экономика Украины. — 2016. — № 8. — С. 93–108.

* О содержании, эволюции, составе и структуре Срединного типа эволюции человечества см. подробнее в [15, с. 170–181, 304–310].

** Характеристика некоторых православных протоинститутов приведена в [15, с. 337–342]. Разумеется, их экономическая значимость далеко неравнозначна. Однако, во-первых, экономика — лишь одна из сфер жизнедеятельности, во-вторых, остаются незадействованными те из протоинститутов, которые способны катализировать экономическое развитие, в-третьих, нельзя недооценивать способности религий, в том числе православной, к реформированию, а соответствующих протоинститутов — к трансформации, в том числе под влиянием прогрессивных собственно институтов.

2. Буркинский Б.В. Большие возможности и недостижимые мечты // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 109–117.
3. Вишневский В.П. Глобальная неиндустриализация и ее уроки для Украины // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 26–43.
4. Гец В.М. Общественный капитал – 25: огосударствленность или государственное созидание? // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 3–6.
5. Гец В.М. Особенности взаимосвязи экономических и политических предпосылок реконструктивного развития экономики Украины // Экономика Украины. – 2016. – № 12. – С. 3–21.
6. Данилишин Б.М. Тактика эволюционизма в современном экономическом развитии мира (в аспекте третьей и четвертой промышленных революций) // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 44–61.
7. Либанова Э.М. Кризис политики доходов в Украине // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 62–77.
8. Базилевич В.Д. Экономическая наука и образование в эпоху системных трансформаций: новые вызовы и запросы к фундаментальной теории // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 78–92.
9. Зверяков М.И. Уроки рыночной трансформации в Украине // Экономика Украины. – 2016. – № 8. – С. 7–25.
10. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
11. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М. : АСТ, 2004. – 415 с.
12. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. – М. : Тананис, 1994. – 554 с.
13. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – М. : Экопрос, 1993. – 576 с.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : ДИ-ДИК, 1994. – 838 с.
15. Тарасевич В.Н. Экономико-теоретическое знание: универсумные императивы, гипотезы, опыты : моногр. – М. : ТЕИС, 2013. – 600 с.
16. Алексеев В.П. В поисках предков. – М. : Советская Россия, 1972. – 304 с.
17. Tibout Ch. A pure theory of public expenditures // Journal of Political Economy. – 1956. – Vol. 64. – P. 416–424.
18. Макрохристианский мир в эпоху глобализации / Цивилизационная структура современного мира ; [под ред. Ю.Н. Пахомова]. – К. : Наукова думка, 2007. – Т. 2. – 691 с.
19. Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації: соціокультурний розвиток людства : навч. посіб. – К. : Либідь, 1996. – 360 с.
20. Тарасевич В.Н. Идеологические доктрины: цивилизационные аспекты и национальный колорит // Экономика Украины. – 2011. – № 2. – С. 13–27; № 3. – С. 4–13.
21. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 8. – С. 84–87.
22. Гальчинский А. Европа и США – геополитическое соперничество // Экономика Украины. – 2003. – № 3. – С. 4–14.
23. Право и национальные традиции // Вопросы философии. – 2016. – № 12. – 224 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52.
24. Шевченко І. Україна між Сходом і Заходом // Дух і Літера. – 1997. – № 1-2. – С. 89–97.
25. Хрестоматія з історії Української РСР з найдавніших часів до кінця 50-х років XIX ст. : посіб. ; [за ред. І.О. Гуржія]. – К. : Радянська школа, 1959. – Т. 1. – 748 с.

26. Глотов Б.Б. Релігійно-конфесійна належність як чинник цивілізаційної ідентичності українського народу [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.info-library.com.ua/books-text-11953.html>.

27. Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. — 2008. — № 5. — С. 80–102.

28. Пилипенко Г.М. Інституціональні чинники співвідношення державної та ринкової координації економічної діяльності. — Дніпропетровськ : Національний гірничий університет, 2012. — 293 с.

References

1. Amosha A.I. *Promyshlennost' Donbassa na puti k vosstanovleniyu* [The industry of Donbass on the way to the restoration]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 93–108 [in Russian].

2. Burkinskii B.V. *Bol'shiye vozmozhnosti i nedostizhimye mechty* [Great opportunities and inaccessible dreams]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 109–117 [in Russian].

3. Vishnevskii V.P. *Global'naya neoindustrializatsiya i ee uroki dlya Ukrainy* [Global neoindustrialization and its lessons for Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 26–43 [in Russian].

4. Heyets V.M. *Obshchestvennyi kapital – 25: ogosudarstvennost' ili gosudarstvennoye sozidanie?* [Social capital – 25: establishment of the state or its development?]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 3–6 [in Russian].

5. Heyets V.M. *Osobennosti vzaimosvyazi ekonomicheskikh i politicheskikh predposylok rekonstruktivnogo razvitiya ekonomiki Ukrainy* [Peculiarities of the interrelation of economic and political preconditions of a reconstructive development of Ukraine's economy]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 12, pp. 3–21 [in Russian].

6. Danilishin B.M. *Taktika evolyutsionizma v sovremennom ekonomicheskom razvitiy mira (v aspekte tret'ei i chetvertoi promyshlennykh revolyutsii)* [The tactics of evolutionism in world's modern economic development (in the aspect of the Third and Fourth industrial revolutions)]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 44–61 [in Russian].

7. Libanova E.M. *Krizis politiki dokhodov v Ukraine* [Crisis of the incomes policy in Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 62–77 [in Russian].

8. Bazilevich V.D. *Ekonomicheskaya nauka i obrazovanie v epokhu sistemnykh transformatsii: novye vyzovy i zaprosy k fundamental'noi teorii* [Economic science and education in the epoch of system transformations: new challenges and requests for the fundamental theory]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 78–92 [in Russian].

9. Zveryakov M.I. *Uroki rynochnoi transformatsii v Ukraine* [Lessons of the market transformation in Ukraine]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2016, No. 8, pp. 7–25 [in Russian].

10. Vernadsky V.I. *Biosfera i Noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow, Nauka, 1989 [in Russian].

11. Gumilyov L.N. *Konets i Vnov' Nachalo* [An End and a New Beginning]. Moscow, AST, 2004 [in Russian].

12. Gumilyov L.N. *Ot Rusi do Rossii. Ocherki Etnicheskoi Istorii* [From Rus to Russia. Essays on Ethnic History]. Moscow, Tanais, 1994 [in Russian].

13. Gumilyov L.N. *Ritmy Evrazii: Epokhi i Tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations]. Moscow, Ekopros, 1993 [in Russian].

14. Gumilyov L.N. *Etnogenez i Biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Moscow, DI-DIK, 1994 [in Russian].
15. Tarasevich V.N. *Ekonomiko-teoreticheskoye Znanie: Universumnye Imperativy, Gipotezy, Opyty* [Economic-theoretical Knowledge: Universum Imperatives, Hypotheses, Experiments]. Moscow, TEIS, 2013 [in Russian].
16. Alekseev V.P. *V Poiskakh Predkov* [In Search of Ancestors]. Moscow, Soviet Russia, 1972 [in Russian].
17. Tibout Ch. A pure theory of public expenditures. *Journal of Political Economy*, 1956, Vol. 64, pp. 416–424.
18. *Makrokhristianskii Mir v Epokhu Globalizatsii, v: Tsivilizatsionnaya Struktura Sovremennogo Mira* [Macro-Christian World in the Era of Globalization, in: Civilization Structure of the Modern World] Yu.N. Pakhomov (Ed.). Kyiv, Naukova Dumka, 2007 [in Russian].
19. Pavlenko Yu.V. *Istoriya Svitovoi Tsyvilizatsii: Sotsiokul'turnyi Rozvytok Lyudstva* [The History of the World Civilization: the Socio-Cultural Development of Mankind]. Kyiv, Lybid', 1996 [in Ukrainian].
20. Tarasevich V.M. *Ideologicheskie doktriny: tsivilizatsionnye aspekty i natsional'nyi kolorit* [Ideological doctrines: civilizational aspects and national color]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2011, No. 2, pp. 13–27; No. 3, pp. 4–13 [in Russian].
21. Huntington S. *Zapad unikaln, no ne universaln* [West is unique, but not universal]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*, 1997, No. 8, pp. 84–87 [in Russian].
22. Hal'chinskii A. *Evropa i SShA – geopoliticheskoe sopernichestvo* [Geopolitical rivalry of Europe and the USA]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2003, No. 3, pp. 4–14 [in Russian].
23. *Pravo i natsional'nye traditsii* [Law and national traditions]. *Voprosy filosofii – Questions of philosophy*, 2016, No. 12, available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1541&Itemid=52 [in Russian].
24. Shevchenko I. *Ukrayina mizh Skhodom i Zakhodom* [Ukraine between East and West]. *Dukh i Litera – Spirit and Letter*, 1997, No. 1-2, pp. 89–97 [in Ukrainian].
25. *Khrestomatiya z Istorii Ukrains'koi RSR z Naidavnishykh Chasiv do Kintsya 50-kh Rokiv XIX st.* [Readings on the History of Ukrainian SSR from Ancient Times to the End of the 50s of XIX Century]. I.O. Gurzhii (Ed.). Kyiv, Soviet School, 1959, Vol. 1 [in Ukrainian].
26. Glotov B.B. *Relihiino-konfesiina nalezhnist' yak chynnyk tsyvilizatsiinoi identychnosti ukrains'koho narodu* [Religious and confessional affiliation as a factor of the civilizational identity of the Ukrainian people], available at: <http://www.info-library.com.ua/books-text-11953.html>. [in Ukrainian].
27. Latova N., Latov Yu. *Etnometricheskie podkhody k sravnitel'nomu analizu khozyaistvenno-kul'turnykh tsennostei* [Etnometric approaches to the analysis of economic and cultural values]. *Voprosy Ekonomiki – Questions of Economy*, 2008, No. 5, pp. 80–102 [in Russian].
28. Pylypenko G.M. *Instytutsional'ni Chynnyky Spivvidnoshennya Derzhavnoi ta Rynkovoii Koordynatsii Ekonomichnoi Diyal'nosti* [Institutional Factors of the Correlation of the State and Market Coordination of Economic Activity]. Dnipropetrovs'k, National Mining University, 2012 [in Ukrainian].

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2017 г.
Окончание – в следующем номере журнала.